

Михаил Корабельников

ТРИ ИМЕНИ ОДНОГО ТЕРОЯ



Михаил Корабельников
Три имени одного героя

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Корабельников М.

Три имени одного героя / М. Корабельников — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-226-3

Эта автобиографическая повесть охватывает период детства, отрочества и студенческие годы главного героя – довоенное, военное и послевоенное время. В ней немало занятного, веселого и даже авантюрного, но есть и по-настоящему драматические и трагические страницы – то, что увидел и пережил сам автор в описываемое время. Все это – не придуманные истории и непредсказуемые повороты судьбы. Книга рассчитана на массового читателя. Заинтересованному читателю автор стал известен своим 900-страничным исследованием: «Лев Троцкий и другие. Вчера, сегодня. Исторический процесс», вышедшим в издательстве «Э.РА» в 2015 году, весь тираж которого разошелся за считанные месяцы.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-00039-226-3

© Корабельников М., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

«Вводная» часть	6
Часть I. «Михря»	8
До исторического материализма и после	8
Первые детские впечатления	12
Война	14
Кокчетав	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Корабельников

Три имени одного героя

© М. О. Корабельников, 2016

* * *

«Вводная» часть

Отчего человек берется за «сочинительство»?

– Ответ обывателя будет лаконичен: от нечего делать и чтобы прославиться. Ибо слово «писатель» звучит гордо – почти как «человек» в пьесе Горького «На дне». По своему весу в восприятии обывательского разума оно, конечно, уступает таким словам как «герой», «космонавт» или, скажем, «ученый», но все же занимает в иерархии слов некую почетную нишу, наравне с такими как «музыкант», «художник», «артист» и т. п. Однако далеко не каждый «сочинитель» реально может быть писателем. Как и в любой другой творческой профессии для этого необходимы некоторые специфические свойства интеллекта. Но и этого недостаточно: у человека должна быть потребность к самовыражению.

Любителей что-то сочинять – от графоманов до маститых писателей – в мире несть числа, и скоро их станет больше, чем читателей. В наше время лишь немногим из них удастся стать популярными у читательской аудитории, тем более достичь «вершин», да и то – после основательной «раскрутки». До вершин мне как до Эвереста. Кроме того я ограничен временными рамками, указывающими на бренность моего земного существования. Но не питаю иллюзий относительно круга моей читательской аудитории, в одном читателе я, тем не менее, абсолютно уверен – это я сам. Ради себя любимого я и собрался на старости лет в это рискованное путешествие по прожитой жизни.

Неизбежен вопрос: а для чего все это? Жизнь моя ничем особенным не примечательна. Меня всегда несло по течению потоком обыденных забот. Ничего не совершил и не прославился: родился, учился, женился, вырастил, как мог, двух сыновей, работал, вышел на пенсию и доживаю свой век на периферии бытия. Не участвовал, не «привлекался», не «сидел». И даже за границами нашей родины был лишь однажды. Что я могу сказать людям, чем заинтересовать их?

Но, с другой стороны, я, рожденный в довоенное время, был свидетелем многих драматических событий в стране и мире, включая даже смену эпох. И мне есть что рассказать. Хотя, надо признать, в своих воспоминаниях едва ли смогу кого-то удивить, тем более – вразумить. Поэтому решился я на это дело не вдруг, а после длительной борьбы с самим собой. Трезвый рассудок удерживал от этого рискованного шага, в то время как сидящий во мне бесенок все время провоцировал, толкал под локти: «ну давай, начни, а там само покатится». Он же в бессонные ночи подсказывал мне сюжеты, давил на тщеславие, уговаривал, соблазнял... И дьявол одолел. Я решил: попробую начать, а там – как получится. Не боги горшки обжигали!

Каждая наша личная судьба входит в копилку общей истории человечества – не писанной, а реальной. Но беда в том, что в подавляющем большинстве случаев история каждого индивидуума уходит вместе с ним в могилу, оставаясь неведомой для других. Человек прожил жизнь, и она, никем не замеченная, вылетела в трубу. Кому-то повезет оставить потомков; особо выдающиеся оставляют следы своей земной деятельности в науке и технике, в искусстве, архитектуре, литературе и прочее, прочее. Но это – выдающиеся, а как быть простым смертным? Вот я и решил оставить свой след на бумаге, которая, как известно, все стерпит.

Но, с другой стороны...

Меня упрекают в самомнении. Как это я, никому не известный, взялся обнародовать историю своей жизни во всех запомнившихся мне эпизодах, вывернуть, так сказать, белье наизнанку. Да кому это интересно, кроме ближайших родственников? Это даже как-то неприлично. Таких как я – миллионы. И если каждый последует моему примеру, что получится? Книжные полки всех магазинов будут завалены подобной макулатурой. Никому это не нужно, и нечего выпендриваться.

И в самом деле: почему миллионы не пишут свои воспоминания? Подозреваю, что многим по большому счету и писать-то не о чем. Все, о чем они могут рассказать, уложится на десяти или двадцати страницах машинописного текста. Так сложилась их жизнь, и так она им запомнилась. В конечном счете, продолжительность нашей жизни измеряется не числом прожитых лет, но их насыщенностью событиями, эмоциями, переживаниями, поступками. Или – отсутствием поступков. У меня есть, что вспомнить, и я постараюсь не разочаровать читателя. Это все, что я могу сказать заранее.

Часть I. «Михря»

До исторического материализма и после

Как и многие писатели и примкнувшие к ним до меня, – думаю, что будут и после, – родился я в обыкновенной еврейской семье. Это знаменательное событие произошло в первой или начале второй декады июля 1938 года. Так случилось, что точную дату моего дня рождения никто не запомнил, но в метриках было записано «11 июля»; а когда мне выдавали паспорт, паспортистка ошиблась и записала «16 июля». Не велика разница.

Место моего рождения – город Короп Черниговской области, Украина. Тогда это был провинциальный северо-украинский городок, ничем не примечательный. Находился в 25 км от ближайшей железнодорожной станции Алтыновка и в 50 км от железнодорожного узла Конопотоп. Как выглядит этот городок сегодня – не знаю; по правде говоря, и не интересуюсь. Последний раз я там был, когда мне было 15 лет, то есть более 60 лет назад. Знаю точно: там не осталось ни одного моего родственника. Одни умерли, другие уехали.

Оба моих родителя вышли из бедных семей. Советская власть поставила их на ноги, дала высшее образование. Отец окончил Московский Энергетический институт, мать – Второй медицинский. Нельзя и представить себе, чтобы это было возможно в царское время – до революции еврейская гольтыба была заперта в «черте оседлости», перебиваясь случайными заработками и ловя новости из окружающего мира из газет и «слухов». В лихие годы довольно обыкновенной новостью были «погромы», перед которыми трепетала почти каждая еврейская душа. Еврейские погромы, надо сказать, окрасили в кровавый алый цвет все русские революции.

Я не стану распространяться о еврейском быте в пределах «черты оседлости» и вне ее. Во-первых, я в этом не силен, во-вторых, на эту тему достаточно написано до меня. Взять хотя бы классиков еврейской литературы: Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер Сфорим и других. Сегодня это уже никому не интересно: нет больше этого народа. Вторая мировая война и немецкое нашествие смыли его с карты Европы почти повсеместно, включая западные области бывшей Российской империи: Украину, Белоруссию, Молдавию, прибалтийские страны. Из оставшихся в живых евреев большинство уехало, другие ассимилировались – растворились в численно подавляющих этносах. От 5-миллионного еврейского населения бывшей империи остались лишь несколько сот тысяч, проживающих в основном в крупных городах. Не осталось и атрибутов культуры восточноевропейских евреев «Ашкенази». Умер и язык «идиш» – жаргон, на котором писали еврейские классики и разговаривали мои предки. Ныне остатки этой культуры еще сохранились в некоторых местах компактного проживания евреев – главным образом, в США, отчасти, в Израиле – стране, выстроенной выходцами из России и Центральной Европы. Нынче в Израиле говорят на иврите – возрожденном древнееврейском языке, а также на английском, арабском, русском.

Мне придется кое-что рассказать о моей родословной, ибо это неизбежно. Человеку свойственно, ради самоутверждения, вспоминать своих знаменитых предков, если были такие, а возможно, кое-что и присочинить. Мне же похвастаться нечем. Насколько мне известно, никаких особых знаменитостей в нашем роду не было. Это были простые люди из украинского захолустья. До революции 1917 года и после нее некоторые дальние мои родственники снялись с родных мест, уехали в вожделенную Америку, другие – в Палестину. Какое-то время после революции от американской тетушки приходили посылки, затем перестали приходить. И след этих родственников затерялся.

И даже носящая некоторый романтический оттенок фамилия моего отца «Корабельников» – скорее, вполне земного и даже заурядного происхождения. Евреи испокон веков при-

думывали себе фамилии (или за них это делали другие, как, например, в Германии), связанные с родом их деятельности. Но мне ничего не известно о том, чтобы в нашем роду кто-то был близок к морю и кораблям. А вот к мелочной торговле, которой на Руси занимались «коробейники» – не исключено, что были близки. Возможно, некто из дальних моих предков носил фамилию «Коробейник», которая постепенно трансформировалась в «Корабельников».

Впрочем, все это – мои домыслы. А реальность такова. Волею судеб я закончил судостроительный факультет Московского, а затем Калининградского технического института рыбной промышленности и хозяйства. Учась на этом факультете, я вплотную приблизился к кораблям и морю. И даже была у нас плавательная морская практика – месяц на траулере в Баренцевом море (рассказ об этом путешествии будет на своем месте). Но и после окончания ВУЗа я много плавал на лодках и байдарках по рекам и озерам нашей необъятной родины. И вообще, по Зодиаку я – рак: существо, естественной средой для которого является вода. Я как-то подсчитал, что всеми видами водного транспорта – от байдарки до большого морского траулера – я за свою жизнь проплыл не менее 6000 км, – отнюдь не в качестве пассажира. Считаю, что фамилию «Корабельников» я вполне оправдал.

Между тем, мой дед по материнской линии был правоверным иудеем, носил большую бороду, строго соблюдал «кашрут», знал библию. И в довершение всего, фамилия у него была Гуревич – простая еврейская фамилия, достаточно распространенная для того времени и тех мест. Но, если покопаться, можно обнаружить принадлежность этой фамилии к замечательному еврейскому роду, прославившемуся на протяжении нескольких сотен лет своими выдающимися представителями. Например, настоящая фамилия Маркса – Горвиц или Гуревич. Такая же фамилия у знаменитого конструктора МИГов.

Звали моего деда «Гиля» (Гилель). Никто из его восьмерых дочерей не пожелал носить столь неблагозвучное для русского уха отчество. Поэтому, когда получали паспорта, одни из них записались как «Григорьевны», другие, в том числе, и моя мать – как «Ильиничны». Так родные по крови сестры по собственному выбору получили разных отцов. В природе случаются всякие чудеса. Назову имена своих теток по материнской линии по старшинству, это: Соня, Белла, Фаина, Женья (моя мать), Люба, Маруся, Валя и Рая. Самая младшая из них, моя тетка Рая, ныне живет в Израиле и на момент написания этих строк, надеюсь, еще жива. Дай ей Бог еще многих лет.

С мальчиками моим предкам по материнской линии не везло. Рождение мальчиков в их многодетной семье было вожделенно, но над ними довлел Рок. Первый мальчик сам себя задушил в колыбели: вокруг шеи ребенка перекрутилась простыня. Он оказался развит физически не по дням, перевернулся, это и погубило его. А родители недоглядели.

Смерть детей в многодетных семьях, как еврейских, так и русских, от болезней и по другим причинам было делом обыденным. Но тогда много рожали. Как говорится в одном старом анекдоте, в старину не было электричества, а керосин стоил дорого. В зимнее время люди рано ложились спать и поздно вставали. А что делать человеку долгими зимними ночами, помимо сна? – Делать детей. Все кардинально изменилось в век всеобщей электрификации, и рождаемость упала.

Второй мальчик в семье деда, в противоположность первому, физическими данными от сверстников не отличался, но был одарен умственно. Моя мать рассказывала, что по уму и учености он настолько превосходил окружающих, что даже взрослые мужчины приходили к нему за советами. Ум и ученость испокон веков почитались у евреев как главные достоинства человека. Наряду с прочими особенностями, еврейский род был одарен вундеркиндами. Но век многих из них был краток. Этот мальчик умер от чахотки в возрасте 11 лет.

В семье моей матери вырос лишь один мужчина – ее младший брат и мой дядя Саша. Он воевал, был ранен в ногу и хромотал. Уже в 60-е годы его придавил сорвавшийся с тормозов грузовик – прижал к стене сарая. Такая судьба!

В семье моего отца с мальчиками было благополучно, и они даже численно превалировали: их было четверо, тогда как девочек – всего две. И все вышли в люди. Старший брат отца – мой дядя Гриша – стал журналистом. Насколько знаменитым – не знаю, но, во всяком случае, не из последних. К концу своей журналистской деятельности он «дорос» до должности зам. главного редактора журнала «Дружба народов».

Отец, как уже было сказано, стал инженером. Его младший брат Зиновий всю жизнь проработал на заводе: мастером, старшим мастером и др. И, наконец, самый младший – мой дядя Миша – стал кадровым военным, танкистом. После войны жил с семьей в Рязани. В возрасте 75 лет был сбит поездом – попал между двумя составами, и его затянуло воздушным потоком под колеса. Хоронили с воинскими почестями.

Обе младшие сестры отца – Фрида и Оля – тоже «вышли в люди»: одна стала учительницей, другая работала на производстве.

Все эти малоинтересные подробности я вынужден вставить в свой рассказ в качестве некой системы координат, от которых каждый из нас отталкивается в начале своего жизненного пути.

Сведения о том, как жили мои предки до «исторического материализма» у меня весьма скудные, и виноват в этом я сам: общаясь со своей многочисленной родней – от матери до деда Гуревича – не проявлял должной любознательности. Мне, советскому мальчику, пионеру и комсомольцу, было это как-то не интересно. Сказать по правде, я даже несколько стеснялся своего происхождения. Стесняться было нечего, но я это понял слишком поздно.

До революции они жили бедно, но как-то сводили концы с концами. Чем занимался глава семьи – дед Гуревич – я не знаю, но было какое-то подсобное хозяйство. Сам дед о царском времени вспоминал неохотно, но главное я уразумел: царь евреев не любил, а потому он – человек плохой. В революциях никто из моих предков и ближайших родственников не участвовал. В Гражданскую войну начались еврейские погромы. Осенью 1919 года в Короп вошли деникинцы и незамедлительно устроили погром. Это случилось накануне большого еврейского праздника, для которого загодя были заготовлены продукты, уже и угощения приготовить успели. По приходу белых местные евреи попрятались кто куда. Благо, украинское население своих соседей-евреев обычно не выдавало. Но один «схрон» белые обнаружили – это был обыкновенный подвал. Было приказано: жидам, кто спрятался, всем выходить по одному, иначе в подвал бросят гранату. Сначала вышел один старик – его застрелили. Затем вышел молодой, цветущих лет мужчина – его тоже застрелили. Но остальных не тронули. То ли христианская душа насытилась этими двумя, то ли патронов пожалели. А может быть, решили оставить сколько-то евреев для следующего раза.

Когда белые вошли в дом моего деда, там была только его старшая дочь – 11-летняя Соня, все остальные спрятались. А моя мать, между тем, собирала яблоки с соседскими украинскими девочками. Она была русоволоса и сероглаза, заподозрить в ней еврейку было нелегко. Но Соню долго били, требовали назвать место, где спрятались родители. Не добившись от нее признания, они побили в доме посуду, покрушили мебель, а припасенные к празднику продукты, что не смогли унести с собой, облили керосином.

Это был вполне заурядный еврейский погром, коих на Украине и в других местах в те времена совершались тысячи. Еврейское население Малороссии стало заложником Гражданской войны. По дошедшим до нас сведениям, только в одних погромах погибло около 200 тысяч человек. 300 тысяч детей, потеряв обоих родителей, остались сиротами, и многие из них погибли от голода. А вообще, так или иначе, в погромах пострадало полтора миллиона – треть всего еврейского населения бывшей российской империи. И благородное белое офицерство (конечно, только часть его) участвовало в этом постыдном деле наряду с петлюровцами, каза-

ками, поляками и многочисленными «батьками» – всеми, кому не лень, ради грабежа и потехи. Ибо, во-первых, все знали, что за это ничего не будет, а во-вторых – такая уж традиция.

Мать рассказывала, что была еще одна попытка устроить в Коропе еврейский погром – на местном уровне, – которая была сорвана железнодорожными рабочими, прибывшими из Алтыновки. Но нередко зимними ночами у дома деда Гуревича собирались некоторые из местных, колотили в дверь и кричали: «Гиля, выходи!» Дед стоял у двери с топором, а все женское население дома повисало у него на плечах и руках, чтобы он не выходил. Дед был вспыльчив и в отчаянии вполне мог зарубить человека. Конечно, это бы кончилось для всей семьи страшной трагедией. Был такой случай. Его единственного сына Сашу обвинили в воровстве. На самом деле, это было недоразумение, которое разрешилось через несколько дней. Но воровство считалось у евреев тяжким грехом. Дед гонялся за Сашей с топором, и несколько дней парня у себя прятали соседи.

С наступлением НЭПа жизнь стала как-то налаживаться. Моя тетя Оля рассказывала, что семья отца стала промышлять выделкой кожи, для чего приобрели специальное оборудование. Кожи продавали местному населению. К концу НЭПа даже купили лошадь, за которой с любовью ухаживал мой отец. Да, совсем забыл сказать, что отца звали Ошер – нормальное еврейское имя, правда, довольно редкое. С еврейскими именами произошла такая метаморфоза. Большинство из них позабিরали себе окружающие христианские народы: все эти Иваны, Петры, Ильи, Семены, Назары, Гаврилы, Вениамины, Марьи и многие другие имеют древнееврейское происхождение. Но другим именам не повезло: их почему-то не взяли, и они стали исключительно еврейскими именами.

Итак, ухаживал молодой Ошер за лошадью и ездил на ней верхом. И продолжалось это ровно неделю. А через неделю лошадь украли. Возможно – и к лучшему, ибо «раскулачивание» их семью обошло.

Далее отец учился на рабфаке, поступил в институт. Дети семей Гуревичей и Корабельниковых один за другим покидали родные гнезда и отправлялись в самостоятельное плавание. Часть из них, так или иначе, осела в Москве. Моего же отца направили по распределению на работу в подмосковную Коломну на паровозостроительный завод – ныне это ОАО «Коломенский завод». К тому времени они с матерью поженились.

Первые детские впечатления

Как мы жили в Коломне, по младенчеству лет я совсем не помню. Отец, видимо, пользовался на заводе авторитетом. Это можно оценить хотя бы по посещению нашей коломенской квартиры именитыми в будущем гостями. Одним из них был Вячеслав Малышев – будущий министр тяжелого машиностроения, именем которого названа улица в Коломне. Но тогда он был всего только подающим надежды мастером и дружил с отцом.

Мне повезло после окончания института распределиться на тот же Коломенский завод, где до войны работал отец. Как-то в 1970-е годы я встретил на заводе человека, который знал его. Им оказался заместитель главного конструктора по локомотивостроению по фамилии Потапов, в ведении которого находились передвижные электростанции. Я с ним согласовывал программу испытаний дизель-генератора – источника электроэнергии в составе электростанции. И он меня спросил, не работал ли на Коломенском заводе мой отец? Когда я это подтвердил, то оказалось, что они были хорошо знакомы, и он даже назвал имя-отчество отца.

В 1939 году отца переводят на работу в подмосковный Подольск, и туда переезжает семья. Мне было уже года два, и память подсказывает некоторые картины из той жизни. Да, совсем забыл сказать, что ровно за год до моего рождения родители, чтобы мне было не скучно, произвели на свет мою сестру Риту. Это был тот еще подарок. Рита была неугомонным ребенком, который всюду совал свой нос и стремился командовать. Была непослушна, за что ей часто доставалось от родителей. Единственным человеком, которого она слушалась и кого побаивалась, была мать. Риту довольно часто наказывали, ставили в угол. И если кто-то проходил в этот момент мимо, она восклицала: «Нельзя по поке Лику бити».

Когда началась война, Рита вместе со своей бабушкой по отцу Ривой отдыхала в Коропе. Немцы наступали. При всеобщей растерянности и суматохе бабушка Рива приняла единственно верное решение: ребенка надо немедленно вернуть домой к родителям. Когда они возвращались назад, немцы уже бомбили железную дорогу, и было по-настоящему страшно. Всем пассажирам поезда, но только не Рите: она и здесь не слушалась, пыталась командовать бабушкой. Бабушка, вернув Риту родителям, стала на нее жаловаться. Мать прикрикнула и потребовала, чтобы та перед бабушкой немедленно извинилась. И тогда Рита пролепетала скороговоркой:

– Прости меня, пожалуйста, бабуля, я больше так никогда не буду.

И тут же:

– Ух, как дам сейчас!

В противоположность сестре, как рассказывала мать, я был ребенком ласковым, более или менее послушным, и наказывать меня, даже за дело, рука не поднималась. Но однажды я таки показал свой характер. Как-то родители купили на рынке петуха и принесли его в корзине домой. Это было настоящее чудо. Петушок переливался всеми своими разноцветными перышками; у него был, – я это хорошо запомнил, – толстый красный гребень, короной украшавший его голову. Он позволял себя гладить, и я не отходил от него ни на шаг, потеряв интерес к окружающему. Родители с трудом уложили меня спать. На следующее утро, как только я проснулся, тут же отправился на кухню к своему петушку. И что я обнаружил? На столе лежало бездыханное тело петуха и рядом – его отрубленная голова. Со мной случилась истерика. Я был вне себя от ярости, я обзывал родителей всеми бранными словами, которые услышал неизвестно где, не понимая их значения, я требовал, чтобы они немедленно пришили петушку голову. Не помню, чем закончилась эта история, но все на свете кончается.

Мы жили в двух- или трехэтажном доме на втором или третьем этаже. У нас был балкон и две черепahi. А еще у нас была домработница Дуня, которая жалела меня больше всех, иногда – в ущерб моему здоровью. Но это известное дело: зрелые женщины больше тяготекют к маль-

чикам, нежели к девочкам, а девочки, в свою очередь, больше любят отцов, – конечно, если это достойные люди. Как-то я заболел дизентерией. Мать лечила меня и на исходе болезни прописала строгую диету. Я был все время голоден, и сердобольная няня Дуня тайком от матери подкармливала меня. Что было явно не на пользу моему здоровью.

Из первых детских впечатлений я еще запомнил, как мать взяла меня с собой на базар. Она держала меня за руку, пока я не вырвался и не побежал по тротуару сам. Но тут же меня настигло возмездие: споткнулся о камень, упал и так расшиб коленку, что матери пришлось возвращаться домой и зашивать ее. А я, зареванный, лежал на столе на сером байковом одеяле.

Отца я помню смутно. Он время от времени появлялся в доме, придя с работы. Меня подводили к нему и говорили, что это – мой папа. Он брал меня за руку, я задирал голову, так как в моих глазах это был очень большой дядя. Тогда он носил форму, похожую на военную: на нем был широкий поясной ремень и другие ремни. Тетя Оля мне потом сказала, что так одевались рабфаковцы. Вообще, судя по всему, отец был человеком молчаливым, в противоположность моей матери.

Предвоенное время было очень тревожным и непонятным. В стране царил шпиономания, то и дело арестовывали людей. Со стороны могло показаться, что эти аресты носили хаотичный характер и были непредсказуемы. На самом же деле, все было продумано и организовано: из социума выхватывали вполне определенные категории граждан, которые по тем или иным причинам не устраивали властвующую олигархию. После заключения в 1939 году пакта Молотова – Риббентропа стали активно арестовывать немцев – бежавших от Гитлера антифашистов. Одними из наших соседей была немецкая семья: муж и жена. Это были во всех отношениях люди достойные. Когда арестовали мужа, мои родители набрались храбрости пойти в НКВД, чтобы за него заступиться. Им быстро дали понять, что они ошиблись в своих соседях, многого не знают, и что лучше бы им в это дело не соваться. Этот их визит остался без последствий, а могло быть хуже. В то время мало кто решался на подобные поступки, наоборот, было много доносов со стороны «бдительных граждан». Родители тяжело переживали это время, особенно отец, который был членом партии и, как честный человек, не мог не ощущать свою ответственность за происходящее в стране. Мать говорила, что он «таял на глазах». Однако вскоре все точки над «i» расставила война.

Война

Незадолго до начала войны матери снится сон. Будто бы она – еще студентка мединститута – после очередной экзаменационной сессии возвращается домой в Короп. Но родного города не узнает. Всюду запустение, на улицах хлам и нет людей. Она спешит в родительский дом и не узнает его: калитка сорвана, вместо окон – черные дыры, с правой стороны от калитки, где росла яблоня-малиновка, вместо яблони зияет глубокая яма. Кругом жуть. С бьющимся сердцем она взбегает на крыльцо и через распахнутую дверь входит в горницу. Зовет: «Мама, мама!». И откуда-то с печи доносится слабый голос ее матери: «Женя!» И тут она просыпается.

Война разметала всех моих родственников по разным местам. Как и положено, первыми ее жертвами оказались мужчины. Раньше других погибли мужья моих старших теток по матери: Сони и Бэллы. У тети Бэллы остался сын Иосиф (Юзик) – на год старше меня. Соня так и осталась бездетной.

Но первым удар наступавших немецких войск испытал на себе дядя Миша – младший брат отца. Он воевал всего неделю, с первого дня войны. И остался жив. Капитаном в составе батальона он командовал группой тяжелых танков КВ. Эти танки имели непробиваемую лобовую броню и отступали в арьергарде наших войск на Западном направлении: как он мне рассказывал, в среднем по 40 км в день, – такими темпами здесь шло немецкое наступление. Была поставлена задача: задерживать наступление противника по главным магистралям, чтобы уберечь наши отступавшие части от полного разгрома. Не знаю, насколько это им удалось, но в итоге через шесть дней непрерывных боев остатки танкового батальона отступили к Минску, который был сдан на следующий день.

Дядя Миша рассказывал: когда они переехали мост через реку и оказались в восточной части города, командование вернуло их назад: на покинутой территории остались 3000 наших грузовиков, которые не удалось эвакуировать. Грузовики следовало сжечь, чтобы не достались противнику, что и было исполнено. Наверняка, то была самая «эффектная» операция за всю неделю боев дяди Миши. Но так сложилась обстановка. После этого его сняли с фронта и направили преподавателем в военное училище, где он оставался до конца войны. В ходе разгрома в начале войны Красная армия потеряла не только технику, но и людей, которые ею владели. Нужно было срочно готовить новые кадры. Это и предопределило дальнейшую военную судьбу моего дяди Миши и спасло ему жизнь.

Единственный брат матери – мой дядя Саша – тоже воевал недолго. Во время нашего неудачного наступления весной 1943 года под Харьковом осколок мины раздробил ему ступню левой ноги, и он был вывезен в госпиталь. По существу, это обстоятельство также спасло ему жизнь, так как по ранению оказался в тылу, тогда как многие его товарищи попали в окружение и погибли. Когда я последний раз был в Коропе, то приставал к дяде Саше с вопросом: много ли он побил фашистов. Он ответил: не считал, так как в общей наступающей цепи стрелял из автомата и не видел цели. Это меня сильно разочаровало.

Мой отец перед войной работал в Подольске на крекинг-электровозостроительном заводе (КЭС). Во время немецкого наступления на Москву некоторое время находился в составе Московского ополчения, но не воевал. В сентябре – октябре 1941 года большинство подольских предприятий, в том числе КЭС, были эвакуированы. Отец как специалист завода имел «броню». Но после знаменитого Харьковского «котла» в мае 1942 года, положившего начало неудержимому немецкому наступлению на Южном фронте, отказался от продления «брони» и был призван. После непродолжительного обучения попал в действующую армию рядовым, несмотря на высшее образование. Тогда с этим не считались, немцев надо было остановить любой ценой. Однако несколько позже замещал выбывшего из строя политрука – должность, надо сказать, незавидная: она не давала никаких преимуществ перед бойцами, но воз-

лагала на «счастливчика» большую ответственность за себя и других. Не говоря уже о том, что в случае немецкого пленения это была расстрельная должность. Впрочем, расстрельной была и сама его национальность.

Письма от отца мать получала довольно регулярно и по большей части – полные оптимизма. Он ободрял надеждой на неминуемую нашу победу, уверенностью, что все будет хорошо, просил о нем не беспокоиться и главное – беречь детей. Правда, в одном из сохранившихся писем отец просил прислать, по возможности, сухарей. Отсюда можно сделать вывод, что с питанием у них было не очень, впрочем, как и везде. И только последнее письмо отца, полученное где-то в середине февраля 1943 года, было тяжелым, и мать проплакала над ним всю ночь. Он писал, что теперь они, наконец, наступают, проходя – иногда по пояс в снегу – до сорока километров в день. И единственное, что их держит на ногах – это мысль о том, что они гонят уходящего врага. Он еще писал: наверное, вы скоро о нас услышите.

Кем был на войне мой отец: пехотинцем, артиллеристом? Название его части звучало приблизительно так: «Особый отряд истребителей танков». Они наступали на Ростовском направлении. О том, как воевали истребители танков в то время и том месте, можно судить хотя бы по фильму «Горячий снег». 5 марта 1943 года матери пришло извещение: отец выбыл из части по ранению и... пропал без вести. Что было на самом деле, нам неизвестно, и никаких версий я не строю. Но несомненно, что он погиб – в любом ином случае дал бы о себе знать. На довоенной фотографии, которую я запомнил, это был, как мне показалось, высокий мужчина с черными кудрявыми волосами и грустными серыми глазами. Он был сфотографирован в полувоенной форме рабфаковца. В одной из песен Окуджавы есть такие слова: «пять грустных солдат не вернулись из схватки военной» – вот и он тоже не вернулся.

Наша семья, то есть моя мать, я и сестра Рита, эвакуировались из Подольска уже в сентябре 1941 года; при этом в пути следования на мать возложили обязанности начальника медицинской службы эшелона. В ее функции входили контроль санитарного состояния поезда и забота о здоровье пассажиров – в большинстве своем рабочих и служащих КЭС, выявление заболевших и оказание помощи, предотвращение распространения эпидемий. Но так случилось, что одним из первых заболевших, причем, заразной и опасной болезнью – дифтерией, оказался ее собственный сын. Вследствие чего, в Свердловске нам пришлось сойти с поезда, и меня положили в больницу, где немедленно заразили еще и корью. Если корь ослабляет детский организм, но сама по себе обычно не очень опасна, то дифтерия, ее токсическая форма, способна убить наповал. Существовало лишь одно радикальное средство от дифтерии – специфическая сыворотка, которую применяли повсеместно. Но мать знала, что у меня тяжелая аллергия на чужеродный белок, и сыворотка мне категорически противопоказана. Об этом она известила персонал больницы.

Однако сыворотку мне ввели, что немедленно вызвало шок: падение сердечной деятельности и общий отек организма. И это накладывалось на дифтерию и корь в придачу. Я должен был неминуемо отдать концы. В больнице в подобном состоянии находилось еще 11 младенцев – все умерли. Но Всевышний промедлил с моим оформлением в Рай. Скопилась большая очередь, и у Него в эти дни было слишком много забот. Этим воспользовалась моя мать, которая забрала меня из больницы, попросив какого-то красноармейца помочь ей отнести на квартиру: у нее не было сил тащить налившегося водой битюга, на которого, трехлетнего, лезли валенки только взрослого человека. Короче, мать меня выходила, но это мое приключение не осталось без последствий.

В начале войны в Корепе оставались дед и бабушка Гуревичи и две их младшие дочери Маруся и Валя – дивчины 17-ти и 16-ти лет. Сначала все надеялись на то, что наши остановят немцев, потом – на организованную эвакуацию населения. Ни того, ни другого не произошло. Радио каждый день приносило тревожные вести, но действительность оказалась еще страшнее. Они готовились к эвакуации. Нужно было бросить дом со всем добром и хозяйство, а это

не так просто. Но когда пошел слух о том, что немцы высадили десант в Сумах – а это уже восточнее Коропа, – началась паника. Вместе с другими беженцами, под немецкими бомбами они прошли, голодные и оборванные, всю Восточную Украину, и только в Курске была организована эвакуация населения. Им еще повезло, что после захвата Киева немцы притормозили свое наступление на Южном фронте, переключившись на московское направление. В эвакуации семья обитала в районе Ташкента, а дед устроился работать сторожем в большом яблоневом саду. Это все, что я знаю.

Но на Украине оставалась еще одна моя тетка по материнской линии – Фаина. Она была замужем за украинцем Митей, и у них было уже четверо детей – последний родился незадолго до войны. Родители очень не одобряли этот брак по национальным соображениям, хотя лично против Мити ничего не имели. Но любовь победила. Эта тетя Фаня была учительницей и пользовалась большим авторитетом у детей и их родителей. Митя работал каким-то начальником по почтовому ведомству, и у него были все возможности вовремя эвакуировать свою семью. Но когда возник сей вопрос, этому воспротивилась многочисленная Митина родня: «Куда вы поедете, да еще с малыми детьми? Приезжайте к нам в деревню, здесь все свои, никто ничего не узнает». Надо сказать, что Фаня, как и моя мать, была русоволоса, сероглаза, на еврейку совсем не похожа. И они остались.

Однако когда пришли немцы, тут же нашлись доброхоты, и все про тетку рассказали. Надо отдать должное местному старосте: он не единожды ходил в комендатуру и просил не трогать тетю Фаню и ее детей. И немцы не трогали. Правда, вместе с другими, еще не добытыми евреями, ее гоняли на каторжные работы, вследствие чего грудничок вскоре умер.

А что же Митя, ее законный супруг? Те же самые родственники, которые убеждали их остаться, стали уговаривать Митю бросить семью: «И что ты связался с этой жидовкой, чем она тебя околдовала? Бросай их, а мы здесь подберем тебе такую гарну дивчину, все будет замечательно». И Митя их бросил. Я ему не судья. Я понимаю, что он это сделал не по злому умыслу: так сложились обстоятельства. Останься он с женой и детьми, его бы постигла общая участь. А человек слаб: для огромного большинства из нас инстинкт самосохранения подавляет все иные побуждения и душевные порывы. И надо обладать очень сильным характером, чтобы совесть могла одолеть естественные для живого организма инстинкты.

Где-то зимой 1943 года по тем местам прошла партизанская дивизия Ковпака, а потом пришли каратели. Они добились оставшихся евреев. Однако тетю Фаню и ее троих детей (старшей девочке было 11 лет) не расстреляли: эсэсовцы закопали их в землю живыми. Надо сказать, что Митя не остался безучастен: он, конечно, переживал эту страшную гибель своей брошенной семьи и, как говорили, даже несколько тронулся рассудком: несколько дней подряд ходил на их могилу и приносил еду. Немцев прогнали, и в 1944 году из эвакуации вернулись наши родственники. Мите грозил штрафбат. Он приходил в дом деда, но дед отказался с ним общаться. Тогда он обратился к уже возмужавшей в эвакуации 20-летней Марусе, просил замолвить за него слово. Маруся ему сказала, что мужа ее старших сестер Сони и Беллы погибли, Ошер, мой отец, тоже погиб. «А почему ты должен жить?» Митю забрали в штрафбат, и вскоре его убили.

Эту историю о войне, если помнит читатель, я начал со сна, приснившегося моей матери перед войной. Так вот, сон оказался вещим. Какую картину застала семья Гуревичей, вернувшись из эвакуации? Они увидели почерневшие от копоти проемы окон дома, без стекол, сорванную с петель калитку, а в том месте, где до войны росла яблоня-малиновка, зияла глубокая воронка от бомбы.

Кокчетав

Сколько-то времени мы жили в Свердловске. Отчасти это было связано с моей болезнью, отчасти с иными не известными мне обстоятельствами. Слово «жили» здесь, пожалуй, неуместно: скорее, «существовали». Втроем мы обитали в узкой мрачной комнате на каком-то этаже жилого дома, ни с кем не общаясь. При входе в нее располагалась большая русская печь, а с противоположной стороны – тусклое окно, в которое мы с Ритой время от времени выглядывали в ожидании возвращения матери с работы. Она уходила рано утром, запирала дверь и на целый день оставляла нас одних. В ранних сумерках (была зима) возвращалась, и с ее приходом начиналась какая-то жизнь. Рита в свои четыре года повзрослела, утратила довоенные замашки и полностью взяла меня под свою опеку. Наверное, в это время я и получил от нее прозвище: «Михря». При этом она проявляла инициативу. Однажды, чтобы порадовать мамочку, решила пожарить картошку. Мы вместе очистили несколько картофелин. Не помыв и не порезав, Рита положила их на сковородку и поставила на холодную печь «жариться». Пришедшая с работы мать очень удивилась. Больше о нашей свердловской жизни, пожалуй, вспомнить нечего, разве что о том, как матери на рынке вместо баранины всучили собачатину. Время было такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.